

и Сов. музыка, 1976, 20 сент, №2

ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ХОРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

К 150-летию со дня смерти Д. С. Бортнянского

Творчество замечательного русского композитора XVIII века Дмитрия Степановича Бортнянского, памятной дате которого (150-летие со дня кончины) были посвящены концерты Камерного хора консерватории, занимает исключительное по широте и новизне стили место в русской классической музыке. Если современники Бортнянского — Матинский, Фомин, Пашкевич — работали преимущественно в области музыкального театра, Хандошкин ограничивался сочинением скрипичной музыки, а Березовский — хоровой, то Бортнянский первый из русских композиторов вышел за пределы жанровой ограниченности: симфония, опера, кантата, оратория, хоровой концерт, музыка камерно-инструментальная — все в равной мере было доступно этому ярчайшему представителю русского художественного классицизма XVIII века.

Хотя в творчестве Бортнянского проглядывают черты итальянской композиторской школы (использование классической формы концерта, приемов полифонического изложения), что явилось логичным следствием его многолетнего обучения у итальянских композиторов, минуя эти, скорее внешние, нежели основополагающие признаки его музыки, — следует всячески подчеркнуть именно национальный дух, которым овеяно и взлелеяно большинство сочинений Бортнянского. Душевная открытость, радостное приятие мира, пристальное внимание к многообразным движениям человеческой природы характеризуют Бортнянского как художника подлинно русского склада.

«Бортнянский, — пишет Ф. Ф. Львов, — не предпочитал бездушного наслаждения слуха наслаждению сердца, внимающего пению говорящему». Высказывание видного деятеля хоровой культуры, продолжившего деятельность Бортнянского в Придворной капелле, в значительной мере рассеивает представление о нем, как о композиторе «итальянском», которое, подобно тени, преследовало его в течение многих десятилетий. Говорящее пение... (разрядка моя — В. Б.) Вряд ли эти слова можно отнести к пению действительно итальянскому, синонимом которого и в те времена считалась бессодержательная виртуозность и внешняя краснота. Значительной силы довод в пользу русской природы музыки Бортнянского мы находим у Асафьева. «...По количеству новых гармонических оборотов, вовсе не свойственных итальянцам, — пишет он, — стиль Бортнянского является проявлением русской хоровой культуры».

Ведущим музыкальным элементом в творчестве Бортнянского, по высказываниям многих исследователей, является русская и украинская песенность, мастерски переработанная и претворенная в собственный стиль. Особенно убедительным это становится, когда перед вами в течение одного вечера, в настоящей вокально-хоровой исполнительской форме (как то было 17 декабря в Малом зале), следует ряд концертов — один ярче и красочнее другого, и вы невольно улавливаете интонации родственные, близкие вам, хотя и незнакомые, но всегда радующие чисто русской заданностью мелодической речи.

Наследие Бортнянского в области хоровой духовной музыки поисти-

не огромно: примерно несколько сотен произведений. И хотя в каждом жанре есть у него сочинения достойные, чтобы ими восторгаться и их исполнять (опера, например), хоровые концерты представляют для нас главную художественно-эстетическую ценность. Не будь их — Бортнянский, возможно, не был бы Бортнянским.

Для современного слушателя не так уж важен вопрос, какая причина руководила созданием музыки такого круга идей. Ведь подобных вопросов мы не ставили ни по отношению к Баху, ни к Палестрине — словом, ни к кому, чьи духовные сочинения мы исполняем и слушаем с восхищением, присущим беспристрастным ценителям подлинных шедевров музыки — музыки прежде всего. В них нас привлекает открытие собственно музыкального таланта, и в этом смысле Бортнянский

заслуживает того же внимания, того же угла зрения. Его духовные концерты — непреходящая эстетическая ценность, коей мы являемся наследниками и хранителями.

Конечно, для сочинения подобной музыки у Бортнянского, помимо субъективных, были и объективные причины, и главная из них — положение придворной капелмейстера.

Идейная сущность художественной жизни капеллы — учреждения строго официального, в рамках которого протекала творческая и исполнительская деятельность композитора, порядок празднеств и служб при царском дворе не только предопределяли смысл и характер сочиняемой хоровой музыки, но не могли не воздействовать также на мировоззренческую область художника и артиста. В этом смысле судьба Бортнянского схожа с судьбами многих его коллег на Зададе.

Бортнянский предстает перед нами не только как выдающийся, крупнейший мастер хоровой музыки, но также теоретик и практик хорового исполнительства. Так, например, в методическом плане он считал крайне вредным для коллектива певцов смешение в его исполнительской деятельности стилей пения без сопровождения (a capella) и с сопровождением. Именно ему придворная капелла обязана была тем, что исконно русская хоровая традиция — a capella заняла в ее концертной практике господствующее положение, и, как мы знаем, именно во времена Бортнянского, под его пристальным вниманием и руководством она достигла наивысшего расцвета.

С известным основанием можно считать, что наши интересы и симпатии к этому поэтичному и красивейшему из искусств, на котором мы воспитаны и стремимся воспитывать других, своими истоками восходят к хоровой эстетике Бортнянского, не исключая при этом воздействия народной традиции в ее непосредственном виде.

От Бортнянского простираются к нам мощные лучи русской хоровой культуры в ее неуклонном становлении, в стройном великолепии форм, в блеске и красоте национального стиля пения. Изучать, слушать, исполнять хоровую музыку Бортнянского — значит усвоить по-

следовательное развитие искусства Родины во всем многообразии его проявлений.

Путь к познанию истории нашей Родины лежит не только через изучение литературных источников, не только через знакомство с памятниками зодчества, живописи — («...Камни Москвы говорили мне... учили меня всему русскому», — восклицает В. Васнецов), — он коренится также в осмыслении и усвоении нами нашей старинной музыки, и хоровой — прежде всего. Исполнение концертов Бортнянского, занимающих все более прочное место на нашей концертной эстраде, восстанавливает единство звеньев той общей цепи, которой связано богатое прошлое нашего искусства.

Свидетельством все возрастающего и крепнущего интереса к старинной хоровой музыке вообще и к музыке Бортнянского в особенности явились концерты Камерного хора консерватории. За пределами Малого зала, а также зала Института им. Гнесиных, где проходили концерты, немало осталось тех, чье желание услышать Бортнянского не могло быть удовлетворено из-за недостатка мест.

Несколько слов о самом хоре. Он создан по инициативе молодого дирижера Валерия Полянского — воспитанника хоровой кафедры консерватории. Его участники — студенты-хоровики, среди них несколько теоретиков, и в то же время — ни одного вокалиста. Это коллектив подлинных энтузиастов. Полянский — руководитель большой воли, редкостного трудолюбия и, конечно, незаурядного таланта. За ним нельзя не идти — в искусство хора он устремлен всем своим существом. С присущей юношеству увлеченностью хор посвящает свое время той удивительной работе, за которой открываются шедевры музыки, рождаемой человеческими головами. Запомнились интересные, яркие программы, с которыми он выступал в Большом и Малом залах консерватории в сезон 1974—1975 гг.

Коллективу едва исполнилось четыре года, а между тем его успехи столь блистательны, что на Международном конкурсе полифонических хоров в Аренцо (Италия, август 1975 года) он отмечен первой премией и награжден золотой медалью. Таким образом, к числу многих дел, которыми славна наша консерватория, прибавилось еще одно: ее имя становится известным также и стороны искусства хорового пения.

14 и 17 декабря камерный хор исполнил шесть концертов Бортнянского: 15, 19, 21, 24, 30, 32. Начнем с того, что оценим сам труд, отданный, чтобы на память выучить капитальнейшие сочинения хоровой музыки. Репетиции, велась во внеурочное время, и единственным рычагом дисциплины являлось сознание этического и художественного долга. Работа хора над Бортнянским — нечто подвижническое. Ю нельзя не восхищаться, не радоваться тем новым силам, которые молодые и смело решают важные и трудные задачи настоящего и будущего хорового искусства.

Вряд ли к такому редкому, праздничному событию, как исполнение концертов Бортнянского, уместно подходить с обычными критическими мерками. И что, кроме благодарности, можно высказать молодым людям, воздавшим щедрую дань уважения патриарху отечественной хоровой культуры. Мы услышали ление безупречно интонируемое, стройное, отработанное до мельчайших деталей. В нем привлекало и радовало все: и легчайшее pianissimo, и слитный вокальный тон каждой партии и всех партий в целом, и четкая ритмика, и, наконец, общее настроение праздничной взволнованности; услышали музыку возвышенную и ликующую, плавную и нежную — все раскрывало перед нами образы далекие и близкие, ушедшие и никогда не умирающие.

И. о. проф.
В. Ф. БАЛАШОВ.